

СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК VS “СОВОК” В РЕАЛИЯХ ПОСТСОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

Статья посвящена анализу понятия “советский человек” и его специфическим феноменальным формам, закрепленным в общественном сознании. Автор обосновывает необходимость исследования советской цивилизации в этих и других культурных формах во всем их разнообразии и развитии.

Key words: *soviet man, “sovok”, mentality, generation, collective memory.*

Ключеві слова: *радянська людина, “совок”, покоління, колективна пам’ять.*

Ключевые слова: *советский человек, “совок”, поколение, коллективная память.*

По мере приближения 20-летия независимости Украины закономерно возрастает интерес к перестройке, закончившейся крахом СССР и социализма, ее творцам и оппонентам, непомерно высокой цене реформирования общества и тому состоянию, к которому оно подошло спустя два десятилетия. Резкая смена прежней общественной системы и государственности, многочисленные трудности переходного периода, неожиданные повороты в биографиях многих людей ввергли общество в длительный кризис. Его было бы легче переносить и легче из него выходить, если бы девизом реформ был лозунг “независимость – не самоцель, а средство достижения нормальной цивилизованной жизни”, если бы правящий класс не вымарал из трудовой книжки страны советский период ее биографии. Именно на тотальном отвержении советского прошлого во многом, по замыслам идеологов независимости, покоилась легитимность нового социального порядка.

Свидетели и участники трагедии распада страны в своем жизненном опыте соотносят прошлую и настоящую жизнь, хотя официально советская история выводится за скобки современности, объявляется в лучшем случае предысторией независимости. Таким образом, после 1991 г. введена нулевая фаза истории, подобно тому, как это было после 1917 г., идет процесс прерывания социокультурной преемственности. Самозванно присвоив себе название “демократов”, слой этнократии в союзе с националистически ориентированной интеллигенцией захватил монополию на интерпретацию советской истории как потерянного времени, черной дыры истории, которую нужно побыстрее забыть, неудавшегося эксперимента, якобы доказавшего историческую ущербность. Но вопреки пророчествам и ожиданиям тех, кто хоронил советский строй, оказалось, что советская цивилизация существует. Целью этой статьи является описание значений метафоры “совок” применительно к советскому человеку и социального контекста ее употребления в постсоветских условиях.

В отечественной литературе доперестроечного времени зафиксированы как официозные трактовки советского человека (далее – СЧ), близкие к утопическому нормативизму (Г.Смирнов, М.Руткевич и др.), так и работы, объективно раскрывающие портрет человека в условиях реального советского общества (Н.Амосов, А.Зиновьев). Всеохватывающий социологический анализ феномена СЧ с конца 1980-х гг. осуществлял Ю.Левада и его коллеги. Автобиографическое препарирование черт СЧ осуществили С.Жарамурза, Г.Гачев, биографический метод к изучению СЧ применили Н. Козлова, В.Семенова и др. Процессы адаптации личности к социетальной трансформации общества, явление субъективной символической реальности всесторонне освещены в трудах украинских социологов – Н.Шульги, В.Тихоновича, Е.Злобиной, Н.Соболевой, И.Мартынюка и др. Публицистические заметки о “совках” принадлежат перу А.Гениса, Л.Ионина, Р.Бистрицкаса, М.Нутт,

а в украинской периодике – Ю.Саенко, Н.Рябчука, С.Грабовского, О.Забужко, С.Гаражи и др. “Википедия” дает справку о следующих главных положительных чертах СЧ: 1) бескорыстная любовь к Родине; 2) непоколебимая уверенность в завтрашнем дне; 3) стремление к “светлому будущему”, оптимизм; 4) глубокое ощущение принадлежности к макрообщности подобных советских людей; 5) обостренное чувство справедливости, абсолютная честность, гуманизм, неприятие тщеславия, порядочность семейная и коллективно-трудовая; 6) мужество, революционно-социалистическая храбрость, непокоримая сила, рабочий энтузиазм, неведомый западному человеку, готовность на великие свершения; 7) толерантность к согражданам и иностранцам из государств социалистического лагеря [1]. Советский человек, если обобщить исследования Ю.Левады и его школы, это: 1) массовидный, усредненный; 2) приспособленный, адаптированный к существующему социальному порядку; 3) “простой”; 4) иерархический; 5) хронически недовольный; 6) обманывающий, лукавый; 7) неуверенный в себе; 8) исполненный своей (массовой, коллективной) исключительности, превосходства; 9) снимающий не только двоемыслием и лукавостью, но и коррупцией жесткость предъявляемых к нему нормативных требований и правил [2, с. 15–16]. Демограф А.Вишневский подчеркивает: “В той мере, в какой консервативно-революционный замысел удалось осуществить в СССР, образовалась и промежуточная, внутренне противоречивая “культурная смесь”, которая освящала неосуществимый идеал человеческой личности – “простого советского человека”. В нем искусственно соединились “инструментальные” достоинства современного городского жителя с коллективистскими крестьянскими добродетелями “соборного человека”. Несмотря на свою искусственность, а может быть, именно благодаря ей, такой идеал был созвучен мироощущениям промежуточных, сельско-городских поколений” [3, с. 181].

В литературе встречаются описания следующих негативных качеств СЧ: 1) закабаление со стороны бюрократической машины и в то же время желание обладать властью; 2) установка на равенство и иждивенчество; 3) всеобщая детренированность и разрушенная трудовая этика; 4) социальный инфантилизм, потребность в опеке со стороны государства, порождающей тип конформиста; 5) установки “получать больше, а работать меньше”. 6) серость, безынициативность, нежелание высываться, брать на себя ответственность, чрезмерная заполитизированность; 7) негласный карьеризм, чиновничество, безусловное подчинение интересов личности интересам целого, барьеры для самостоятельного мышления и инициативы (кроме запланированной) по принципу “Я – начальник, ты – дурак...” вследствие метастаз репрессивной иерархичной системы в первичных трудовых коллективах.

В позднесоветское время язык пополнялся целым рядом новых, специально придуманных оскорбительных и клеймящих слов и выражений, игравших свою роль в политической и идеологической жизни страны, а также в демонтаже СССР. Впервые слово “совок” употреблено культурологом М.Эпштейном, однако авторство понятия со ставшим общепринятым значением приписывается певцу и композитору А.Градскому. Метафора “совок” обозначает посредственность во всех ее проявлениях, которая досталась в наследство постсоветской эпохе от советской действительности, кодирует то бранно-самоуничтожительно, то ностальгически-иронично худшие черты СЧ и нелепые обстоятельства жизни при коммунистическом режиме. “Совок “ – понятие, используемое для описания явлений и черт (почти всегда негативных), которые были свойственны Советскому Союзу. Также слово часто используется просто как оскорбительный заменитель “СССР”. Кроме того, слово может использоваться как название человека, ностальгирующего по Советскому Союзу” [4]. Культуролог А.Генис, отмечая негативные качества “совка” (бешеная жажда равенства,

глухая ненависть к чужому успеху и пышущая энергией лень), подводит под эту категорию в первую очередь советских интеллигентов, оставшихся без места в прямом и переносном смысле слова с приходом рынка. Объективности ради, он делает вывод, что “это столь же редкий социально-психологический тип, как монах средневековья, художник Ренессанса, буржуа нового времени. Совковый образ жизни, его этикет, ценности, критерии – все это вклад советской цивилизации в мировую историю, демонстрация богатства и разнообразия человеческой природы” [5, с. 8]. Социолог Л.Ионин рассматривает следующие характеристики “совка”: 1) однообразная и скучная одежда; 2) робость, нерешительность на публике, в общественных местах; 3) отсутствие у него представления о ценности человеческой личности как таковой (получается, чем выше организация в государственной иерархии и чем выше сам человек в организационной иерархии, тем больше у него прав, тем он весомее как личность); 4) неумение принять на себя ответственность, делегирование ее вверх или вниз по иерархии. Самое удачное для “совка” – растворить ответственность в толпе; 5) он всегда растерян, т.к. не знает, что будет с ним завтра (история дает немало примеров, когда вчерашние вожди становились низвергнутыми в общественном мнении) [6, с. 8].

На основе анализа текстов социолингвист Т.Козлова вычленяет следующие признаки, лежащие в основе метафоры “совок”: 1) таких людей много, они преобладают в обществе, сильны массой; 2) низкий интеллектуальный уровень, неспособность самостоятельно мыслить, рабское мышление; 3) слепое послушание, пассивность, внутреннее рабство; 4) духовная бедность, отсутствие сострадания; 5) жадность, зависть, продажность; грубая ненависть к богатым, преуспевающим; 6) примитивность быта; 7) примитивное представление о равенстве как уравниловке, безумная жажда такого равенства; 8) наличие собственной идеологии, которая грубо навязывается другим; отсутст-

вие толерантности, хамство; 9) агрессивный патриотизм, ненависть к иностранцам, вымогательство по отношению к ним (в музеях, гостиницах); 10) процветающая лень, неумение и нежелание работать, волокита в делах; 11) отсутствие самоиронии и самокритики [7]. Психолог Н.Самоукина среди норм и стереотипов “совка”, или люмпена, выделяет, в частности: 1) нежелание приложить усилия к пониманию нового, отрицание нового; 2) агрессивное подавление инакомыслия и свободы; 3) неуважение личного пространства другого человека; 4) гонор, чванство, самодурство; 5) инфантильность, незрелость, несамостоятельность; 6) зависимости – алкогольные и эмоциональные; 7) манипулирование, лицемерие, хитрость, двойственность; 8) ненадежность, безответственность к собственным словам и поступкам; 9) видение мира в черно-белых красках, неумение мыслить сбалансированно, неспособность найти золотую середину, отсутствие гибкости; 10) неумение накапливать финансовые средства; 11) неуважение к собственности, неумение ухаживать за собственностью, несформированность установки беречь и приумножать собственность, презрение к чужой собственности; 12) зависть и злоба по отношению к тем, кто рвется вверх и вперед; 13) стремление тянуться к царю-батюшке (“Барин нас рассудит”) и одновременно бунт против лидера, сверхкритичность в адрес ведущего (руководителя компании, президента и проч.) [8].

Социолог Ю.Саенко предпочитает употреблять вместо слова “совок” понятие “советский раб”. Это индивид, воспитанный системой, где рабство было тотально, его диктату в равной степени были подвержены и простые граждане (“рабы”), и элита (“феодалы”). Это сформировало особую, неискорененную и поныне психологию. Далее ученый перечисляет следующие черты, присущие, по его мнению, советскому рабу: 1) равенство тот понимает как равенство в нищете; 2) не уважает никого и ничего, для него не существует законов, страх заменяет законы; 3) боится чужого,

нового, незнакомого, но также боится и себя, раскрытия своих сил; 4) рабско-плебейское хвастовство; 5) варварская массовая жертвенность; 6) высокое чувство юмора, проявляющееся в анекдотах; 7) страх перед свободой (когда снимается страх и контроль, раб способен лишь разваливать и уничтожать); 8) почти лишен духовности и совести [9, с. 24–26]. Писатель О.Ульяненко “совком” считает человека, который не держит своего слова, не ценит ни себя и никого и абсолютно не понимает, для чего живет, а журналист В.Павлив – человека, который абсолютно не знает традиций своего рода, то есть не ведает, откуда он происходит, и абсолютно не заботится о том, куда идет. С точки зрения литературного критика М.Слабошпицкого, определяющие черты “совка” – нетерпимость, агрессия и чрезвычайная навязчивость (ему до всего на свете есть дело). Это сумасшедшая интервенция всюду, которая чаще всего сопровождается абсолютным разгильдяйством в собственном доме. Типичный “совок” – максималист) [10, с. 1, 7].

Высокомерная привычка насмехаться над СЧ, прочно утвердившаяся в кругах национал-интеллигенции и в мещанской среде, в большинстве случаев не имеет реальных оснований. Буквально на каждое негативное качество “совка” имеется его положительный полюс. Советские люди предпочитали небольшой, но твердый заработок. Но в этом часто заложена своеобразная культура “счастья заниматься своим делом не ради денег”. Хотя в союзных республиках понятие СЧ ассоциировали с русскими по национальности, этот исторически особый тип в идеальной модели есть внеэтнический феномен. И это – не “безбатченко”, не человек без адреса. В СССР была найдена уникальная форма сосуществования наций, когда каждая из них считала Союз своим родным государством, Большой Родиной (прибалтийские этносы – это особый случай). В советском менталитете была черта ассоциировать себя с героями истории, быть локомотивом всего человечества. Да, во многом благодаря экзистенциальному отождествле-

нию с властью в картине мира типичного СЧ держался партократический режим с его разветвленной машиной духовного принуждения. Но, с другой стороны, СЧ – сборная личность, чья жизнь неотделима от того социального целого, к которому она принадлежит. СЧ оказался способным вынести суровые испытания и лишения, выпавшие на долю страны, благодаря своему соборному сознанию. Пресловутые лень, нежелание работать у бывшего СЧ удивительным образом “испаряются” там и тогда, где и когда его труд получает надлежащее вознаграждение. В феномене СЧ – отгадка перестроечного обвала и неудач либерального реформирования. “Сегодня, несмотря на объявленную свободу, человек остается зависимым от власти во всем, “огосударствленным”. Характерная для сталинского массового сознания преданность власти сменилась напряженным противостоянием, которое не только не освобождает, но, может быть, еще более поработает человека” [11, с. 3]. Изначально на заре независимости было наивно полагать, что массовый тип советского человека будет реализовывать идеологию рынка не теми приемами, которые ему близки и понятны. “В условиях всеобщего лукавства исполнение нормативных императивов превращается в более или менее лукавую сделку (типа “делаем вид, что работаем – делаем вид, что платим”). “Советская” специфика (вполне сохраненная и ныне) состоит в том, что разграничение нормативных “полей” размыты, смазаны. Лукавое сознание легко переходит условные барьеры, находит многочисленные лазейки в предписаниях – короче говоря, ведет игру “без правил”. После крушения советской системы лукавство с обеих сторон просто вышло наружу” [12, с. 17]. В СССР уравниловка для многих сочеталась с привилегиями для избранных, а в независимой Украине произошла приватизация доходов олигархами, а расходы остались на государстве. Вновь и вновь воспроизводится все та же иерархическая матрица (“государство” – “поданные”, “власть” – “народ”, “олигархи” – “эксплуатируемые”). Кри-

терий роста качества человека как работника, носителя нравственно-психологических свойств, открытого к усвоению духовного опыта, накопленного человечеством, куда более соответствует линии прогресса, чем используемый сейчас критерий максимального роста материальных потребностей, соответствующих идее западного человека общества потребления, не говоря уже о переходных постсоветских типах активных “деятелей” хищнически-паразитарного присвоения потенциала общества. Важнейшая особенность личности “совка” приписываемая СЧ этнократией и ее идеологами – якобы потеря им национальности. Он-де – не национальный продукт, а личность, деформированная командно-административной системой, искусственно взращенная и воспитанная при помощи монополизированной государством идеологии – манкурт (в терминологии Ч.Айтматова). Между тем в Союзе были заложены основы советской политической нации, единой в многообразии малых родин, а после СССР на его пространстве состоялся неравномерный, но повсеместный реванш местных культур над глобальными. Провозглашение независимости Украины вследствие развала советского государства было выгодно тем социальным группам, которые получили автоматическое повышение в статусе, карьерное продвижение по отношению к конкурентам, чей статус был искусственно понижен. Так, родной язык около трети населения Украины с 1996 г. является официально “второсортным” по отношению к украинскому как единому государственному. Когда идеологи украинской Украины стремятся искусственно создать моноязычную нацию, объявляя бытование русскоязычной (шире – русско-культурной) среды “остаточными языковыми явлениями советского дискурса”, они не вправе ждать ответного уважения от значительной части населения. Ведь по замыслам современных националистов, старшее и среднее поколение “совков” должны естественным образом уйти из жизни как отработанный и неподдающийся перевоспитанию материал, и не мешать

строить “украинскую Украину” сознательным украинцам (патриотам, европейцам). “Мы, ровесники независимости, переживем их – зараженных совдепом реакционеров – буквально биологически” – лозунг ВО “Свобода”. Отрицая советскость, такие люди, возможно, сами того не замечая, несут на себе ее черты. По меткому наблюдению А.Береловича, “глубочайшее презрение к “совку” – название, которым интеллигенты награждают население в тех случаях, когда оно не желает занимать то место и играть ту роль, какие они ему отводят” [13, с. 94]. Употребляя презрительное высокомерное слово “совок”, относящееся к простому народу, самозванные интеллектуалы выражают тем самым не только негативное отношение к советской эпохе и к порожденным ею людям, но и закрепляют в массовом сознании результаты социальной революции 1990–1991 гг. Вот образцы подобной риторики: “В Украине нужно загнать в подполье своих “совков” и перевоспитать их” [14, с. 3]; “нужно каждый день выдавливать из себя “гомо советикуса” [15, с. 20]. Предатели всего советского ненавидят советских людей именно за принадлежность к традиции, ими отвергнутой и осмеянной, т.к. последние являются напоминанием и укором за варварское разрушение бытовавшей культуры. Непреложным фактом является то обстоятельство, что “и нынешняя Россия, и нынешняя Украина являются продуктом измены политических элит этих бывших советских республик своей стране, своей истории” [16, с. 5].

В период дикого рынка и культурно-языкового неравенства (1992–2009) советская идентификация может быть интерпретирована как сопротивленческая. Сопротивление категорической данности, сопротивление не зависящим от себя обстоятельствам – из этого вырастают и личные биографии, и судьба целого поколения. Социолог Т.Емельянова задается вопросом “Почему в подавляющем числе случаев политические причины травмирующих событий забываются?” и сама отвечает: “Не потому ли, что всемерно

укрепляя положительный образ группы, люди подавляют мысли о том, что их попросту обманули, сделали их жертвами чьих-то интересов, а то и политических ошибок”. Автор ссылается на исследование Пеннебейкера и Банейсика (1997 г.), пришедших к заключению, что “существуют циклы коллективной памяти, составляющие приблизительно 20–30 лет, когда общества оглядываются назад и заново реконструируют свое прошлое. Одно из объяснений этому феномену цикличности связано непосредственно с воспоминаниями о травмирующих событиях: должна пройти смена поколения на политической сцене для того, чтобы о коллективных проблемах стало возможно говорить открыто” [17, с. 152].

Современная молодежь – сама того не сознавая, продукт советского поколения. Но знает ли она адекватно страну – родину своих родителей, чтобы негативно отзываться о ней? Прежнее государство было построено именно “совками”, а нынешнее поколение “*пенси*” живет за счет того задела. Уже успела обрасти мифами и память о советском периоде истории, чем успешно и беззастенчиво пользуются маркетологи и рекламисты. В определенных молодежных группах даже имеются проявления моды на советскую символику – и это у молодежи, социализация которой выпала на постсоветское время. Старшие возрастные группы и значительная часть среднего поколения находятся под социализирующим влиянием советского проекта и испытывают в большей или меньшей степени непреодолимую ностальгию по нему. Младшее поколение – первая генерация, которая объективно не имеет возможности на собственной практике сравнивать потенциальные преимущества и негативы двух социальных систем, двух времен – “до” и “после” 1991 г. – сфокусирована вокруг иных социокультурных моделей. Поля напряжения намечаются (и в перспективе могут быть источниками конфронтации в обществе) как между “старыми” и “новыми” поколениями, так и между специфическими группами внутри “новых” возраст-

ных групп (различающихся, в т.ч. по ценностным ориентациям, по принадлежности к тем или другим субкультурам, например, националистической или антифашистской).

Даже Беловежские соглашения не предусматривали разрыв общего экономического, культурного и гуманитарного пространства. При общем распаде осталось неразрушенным (и то до определенного предела) лишь пространство межличностных связей одноклассников, однокурсников, сослуживцев, родных и знакомых – пространство памяти, пространство общей судьбы тех, кто рожден в СССР. Потому нетипичная империя, коей был СССР, жива постольку, поскольку наличествует символическая группа “советских людей”, представленная в различном количественном выражении во всех бывших союзных республиках. Это очень важно, т.к. одного заката идеи этнонационализма, извратившей концепцию независимости, недостаточно для осуществления модернизации постсоветской Украины. Необходимы параллельные процессы образования новых идентичностей, структур, отношений, призванных восполнить духовный вакуум, необходима новая сверхцель для амбициозной молодежи – “Вперед, используя опыт СССР” – строительство антибуржуазного, антипотребительского общества с акцентом не на этническое и социальное противопоставление, а на утверждение гуманных начал в общественном устройстве. А миссией среднего поколения, травмированного итогами горбачевской перестройки, на глазах которого рухнул целый мир с искусственным официозом, но и с неофициальной культурой, пространством общения, насыщенной повседневностью, составляющими в сумме облик советской цивилизации, видимо, будет вооружение молодежи знаниями, против которых окажутся бесполезными технологии информационного зомбирования. Те, кто помнит советское время, обязан поделиться правдой о нем с теми, кто иной, кроме грабительски капиталистической жизни и не знал и потому считает нынешнее положение вещей нормой. “Это наше дело, сегодняшнего среднего

поколения, – срочно взяться за возвращение родового исторического сознания поколению менеджеров и юристов, основными лозунгами которых, к сожалению, являются “здоровый цинизм” и “бери от жизни все” [18, с. 14]. Реформаторам удалось расшатать несущие конструкции предыдущего государственного устройства, но заменить доминирующий тип сознания среднего (простого, обычного) человека им не удалось. Человек, живущий в постсоветское время, не перестал быть советским одновременно. Данные Всеукраинского омнибуса–2009, проведенного Институтом социологии НАН Украины, репрезентативного для взрослого населения Украины (N=1800), свидетельствуют, что и по сей день прежде всего считают себя гражданами бывшего СССР 8,3% респондентов: от 2,2% в младшей возрастной группе до 16,1% – в старшей. В пользу мнения, что советская политическая система создает более приемлемые условия для улучшения жизни человека труда высказалось уже 36,6% населения Украины (здесь также прослеживается четкая зависимость от возраста респондента). Наконец, 33,1% респондентов подчеркнули, что придерживаются традиций и норм советских времен всегда или часто (суммарно), причем в группе 18–25-летних соответствующий показатель – 9,2%; в группе 26–35-летних – 16,8; в группе 36–45-летних – 28,4; 46–55-летних – 41,0; 56–65-летних – 45,4; 66-летних и старше – 57,0%.

Судя по множественности форм СЧ, проявлений его поведения, социолог имеет дело с весьма неоднородным социокультурным материалом, с немалым трудом поддающимся структурированию (внутри “советских” групп также имеются ментально-психологические, поколенческие и иные различия). В узком смысле СЧ – это атом распавшегося целого (советского народа). По этой логике, советские люди на пространстве бывшего Союза являются в настоящее время насильственно, против их воли, разделенной общностью, имеющей больше черт “воображаемой” (по Б.Андерсону), чем реальной. “В информационном прост-

ранстве предлагается интереснейший социальный проект: а что, если дать возможность таким нашим гражданам с откровенно советским менталитетом, “иностранцам” в нынешних независимых странах объединиться в собственную самоуправляемую структуру, в некую федеративную социально-культурную автономию, представляющую собой большую советскую общину со своими воскресными и обычными школами, университетом, предприятиями, другими элементами инфраструктуры?” [19, с. 5]. В широком смысле СЧ – это тот, кому за 36 лет, т.е. тот, кто имел право голоса в 1991 году. “Советскость” как характеристика сознания, мышления, способов деятельности подавляющего большинства населения в той или другой мере остается до сих пор. Поэтому можно говорить, что советская эпоха не ушла в окончательное небытие. Близкая и отдаленная история опосредованно присутствует в сознании людей, в их ценностях, жизненных установках, моделях восприятия мира, тем самым участвуя в текущей современности. В этих условиях создается все больше предпосылок для осмысленного и непредвзятого изучения советской традиции в ее преемственном единстве.

Ныне как никогда актуален проект, выдвинутый Ф.Розинером и подхваченный журналистами Л.Парфеновым (“Намедни. Наша эра”), К.Эрнстом (“Старые песни о главном”), В.Глазуновым (“Рожденные в СССР”), В.Молчановым (“До и после” на телеканале “Ностальгия”) – создать энциклопедию советской цивилизации, зафиксировать, пока не поздно, фактологию и мифологию исчезающего мира, его атрибуты, которые нелегко будет воссоздать по документам эпохи, но еще можно понять, опираясь на коллективную память. Нужно сохранить образ (вкус) эпохи, ее мироощущение, ключ к символической системе тех времен. В этом – культура отношения к прошлому – без иронии, издевки, без высокомерия, с пониманием, что страна без биографии, как и человек, несостоятельна. Свою задачу автор видит в постановке вопроса о своеобраз-

ной реабилитации образа СЧ в общественном сознании. Этот человеческий тип в его классической законченности постепенно уходит с исторической сцены, но он по-прежнему во многом определяет базовый набор ценностей и тягу к социально справедливому обществу. Речь, скорее всего, может идти о параллельном бытийном сосуществовании в постсоветское время различных типов “советских”, выросших в окружении советских реалий и впитавших соответствующий образ мыслей (в т.ч. и “от противоположного”, по принципу отталкивания). В качестве *дальнейшего развития темы* видится исследование советской самоидентификации среди представителей различных групп современного украинского общества, взаимных стереотипов восприятия “советских” и “несоветских” людей, сопоставительный анализ представлений о советской эпохе различными поколениями. Слишком скорый и резкий разрыв с прошлым, пренебрежительное отношение к его урокам, легкомысленное отношение к людям старшего и среднего поколения с их уникальным опытом могут обойтись обществу крайне дорого. Идеологи и публицисты все время пытаются навязать массовому сознанию фальшивую альтернативу: либо “назад” – в казарменный социализм (“совок”), либо “вперед” – в Европу, по сути, подражательную психологию “получше устроиться”, отсекая другие альтернативы. Единственный путь к общенациональному примирению – в критическом осмыслении как советского опыта, так и периода независимости, диалогичности, способности считаться с коллективной памятью других социальных групп, иными мнениями и взглядами. Все полезное, что было в Союзе, нужно сохранить и учесть при разработке будущего проекта развития Украины. Советский опыт социалистического вне рыночного типа организации общества может в дальнейшем послужить образцом для создания общества такого же типа – хотя, быть может, и на совершенно других основах и в совершенно другой исторической обстановке.

Литература

1. [Электронный ресурс] – режим доступа : ru.wikipedia.org/wiki
2. *Гудков Л.* Условия воспроизводства “советского человека” / Л.Гудков // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2009. – № 2. – С.8–37.
3. *Вишневский А.Г.* Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР / А.Г.Вишневский. – М. : ОГИ, 1998. – 432 с.
4. [Электронный ресурс] – режим доступа : <http://Lurkmore.com.ua>
5. *Генис А.* Совок / А.Генис // Независимая газета. – 1992. – 15 сентября.
6. *Ионин Л.* Совок останется совком / Л.Ионин // Мегаполис-экспресс. – 1991. – 25 июля.
7. [Электронный ресурс] – режим доступа : <http://foroom.ru/lofiversion/index.php/t4198.html>
8. [Электронный ресурс] – режим доступа : <http://www.samoikina.ru/new/help/19.shtml>
9. *Саєнко Ю.* Комунізм – це хвороба бідних і рабів / Ю.Саєнко // Універсум. – 1999. – № 3–4. – С.23–29.
10. Цит. по : Дискуссия “Что такое в вашем представлении, типичный “совок”? // День. – 1999. – 17 февраля.
11. *Батыгин Г.* Понять советского человека непросто / Г.Батыгин // Неделя. – 1990. – № 1.
12. *Левада Ю.А.* Homo Post-Sovieticus / Ю.А.Левада // Общественные науки и современность. – 2000. – № 6. – С.5–24.
13. *Берелович А.* Упущенный шанс / А.Берелович // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2009. – № 2. – С.86–94.
14. *Новодворская В.* : “В.Ющенко – шанс для України” / В.Новодворская // Шлях перемоги. – 2004. – № 44. – 27 жовтня.
15. *Рябчук Н.* // Зеркало недели. – 2007. – № 40. – 27 октября.
16. *Ципко А.* Мародерство элит и провокации “патриотов” / А.Ципко // Независимая газета. – 2002. – 7 марта.
17. *Емельянова Т.П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества / Т.П.Емельянова. – М. : Ин-т психологии РАН, 2006. – 399 с.
18. *Лукин Б.* Угроза глобальной безграмотности / Б.Лукин // Литературная газета. – 2007. – № 30. – 25–31 июля.
19. *Лищинский А.* О советской нации / А.Лищинский // Рабочий класс. – 2006. – № 38.